

В последнем номере «ЭЛ» наиболее интересными мне показались дебютные подборки двух поэтов: Динары Расулевой и Максима Некрасова.

Есть такая, довольно уже избитая сентенция о том, что поэты являются голосом своего времени. И именно тот факт, что голоса у них очень разные, помогает нам сложить из этих осколков более или менее достоверный портрет времени. Но когда я читал стихи Динары, мне подумалось о том, что к её вещам больше подходит определение: *голос пространства*. Потому что в её текстах именно пространство является главным предметом рефлексии лирического героя. Конечно, и время – тоже, но через призму пространства. В её стихах суггестивный поток текста буквально погружает читателя в фактологическую плотность современной давящей, а точнее, подавляющей реальности, о которой автор рассказывает нейтральным, почти безэмоциональным голосом. Но именно эта кажущаяся нейтральность тона очень сильно воздействует на наше воображение и, конечно же, на эмоции. Первое стихотворение, «Лес», в подборке Динары особенно характерно в этом смысле. Поток сознания в нём сливается с потоком пространства, а постоянное перечисление цен на стоимость различных услуг (преимущественно похоронных) создаёт ощущение какого-то кафкианского ужаса: цена человеческой жизни, цена после жизни – это всего лишь цифры в соответствующих бумагах, инструкциях, прейскурантах. Даже после смерти нас преследуют эти цифры, цены, формальные процедуры и холодно-безразличное отношение мира к трагедии каждого отдельного человека. Читая это стихотворение, чуть ли не на физическом уровне начинаешь ощущать нехватку воздуха.

Та же нейтральность тона присутствует и в стихотворении «Unshe». В этом тексте остро осмысливается тема личного кризиса, или скорее, тема отсутствия, как следствие этого кризиса. Очень интересен приём, найденный для передачи этого ощущения. Человек не просто становится тенью или отзвуком своего отсутствия, он вдруг осознаёт отсутствие всего внешнего бытийного мира. Нет улиц, нет города, нет ничего, если нет самого человека. Пустота внутренняя выплёскивается наружу и опустошает пространство, словно стирает его ластиком. И это сигнализирует о том, какого огромного объёма эта пустота внутри, если она может поглотить целый город.

Когда она вышла на улицу, она не вышла на улицу,
Потому что не было улицы и откуда выходят.

Поэты часто пишут о внутренних кризисах. Собственно говоря, они практически только об этом и пишут, даже когда кажется, что стихи о другом. Но далеко не всегда удаётся найти какой-то новый приём или тон для передачи этого состояния. В основном, авторы используют яркие кричащие краски, чтобы достучаться до равнодушного мира, взломать броню этого равнодушия своим эмоциональным потоком. В данном случае, всё наоборот: ярких красок нет, всё сделано в чёрно-белых тонах, или даже скорее серых. Такой серенький пасмурный денёк, девушка вышла на улицу, а улицы нет, и домов тоже, и людей. Но как раз эта графичность точнее и больше проникает в нас и заставляет больно сжаться сердце, вспомнив собственный опыт отсутствия. Настоящие стихи, они ведь всегда и про личный опыт читателя, они его вытаскивают из потаённых глубин памяти, подсознания, чего угодно – дело в конце концов не в названии «шкафа», а в том, что стихам удастся это сделать.

Не буду подробно говорить об остальных стихах подборки, потому что формат рубрики «отзывы читателей» все-таки предполагает определенную краткость, а не развернутую рецензию. Скажу только, что все стихи Динары произвели на меня сильное впечатление и вызвали желание читать её тексты и в будущем. Смеею предположить, что нас ждет ещё много интересных открытий в творчестве этого автора.

Стихи Максима Некрасова, молодого питерского поэта, тоже наполнены темой пространства, и в этом они перекликаются со стихами Динары. Но у Максима, разумеется, это сделано по-другому, возможно, с большим уклоном в сторону метафоричности, с более долгим дыханием, точнее, с более долгими паузами между вдохом и выдохом поэтического воздуха.

Мы живём в мире, который распадается на наших глазах. Распадается на десятки тысяч кризисов, смыслов, поисков новых смыслов и постоянных столкновений с ощущением абсурдности. Возможно, только поэзия ещё как-то пытается преодолеть этот распад, пытается соединить казалось бы неспрягаемые вещи. И тогда стихи становятся отражением этого распада, кризиса, разлада, и одновременно поиском выхода из него. Собственно говоря, они сами становятся выходом.

В стихах Максима все эти мотивы – кризиса и распада – присутствуют, но и преодолеваются через дискурс, нацеленный на поиски выхода. А ещё в них присутствует очень ощутимо дух Питера с его тревожностью, нежностью, вымороченностью и призрачностью. Например, уже первая строчка стихотворения «Возвращение» сразу отсылает нас к Достоевскому с его Раскольниковым. И почему-то возникает странная мысль: если бы он, Раскольников, умел писать

стихи, возможно, он писал бы что-то именно в таком стиле, заполняя пространство листа бумаги своими бесконечными кружениями вокруг одной мучительной точки, на которой сосредоточился для него весь мир.

Некоторые метафоры Максима Некрасова просто поражают и бьют наотмашь своей беспощадной точностью. Например:

мы возвращаемся на место событий, на место встречи,
и наши пустые речи в земле разлагаются дольше, чем пластик,

Или:

фонари фонари до фотона потухли
для меня дурака на перо
ну не станет со мной размалёванной куклы –
я ещё поломаю ребро

Все стихи в подборке Максима наполнены какой-то предельной, – да простят мне читатели это затёртое слово, – экзистенциальностью. Лирический герой всё время на грани, он в любую секунду может соскользнуть с неё, упасть в другие пределы, и становится немного страшно за него. И кажется, что строчки стихов – это единственные нити, которые чуть ли не в физическом смысле удерживают его на плаву.

за сиплое слово за розовость щёк
за бледные парки вдвоём
за новых листов хризолитовый шёлк
за пьянку в подъезде твоём
за бога за ангела что не пришёл к
обедне девятого дня
давлю на гашетку и делаю щёлк
а смерти не надо меня

Конечно, мы всегда помним и знаем, что зачастую стихи предполагают некую гиперболизацию чувства, что в них всё выражено с предельной остротой, они являются неким конденсатом, квинтэссенцией определенных состояний. И что в жизни всё намного проще и сложнее одновременно. И тем не менее, невозможно описывать кризисные состояния, не выстрадав их. В стихах Маскима ощущается их подлинность в каждой строчке, их выстраданность. Пусть это всего лишь поиски через падения и кризисы, через внутренние провалы в неведомое и смутное, но они настоящие, и этим ценны.

Могу лишь повторить то, что написал уже о стихах Динары: мне бы хотелось и в будущем встречаться со стихами Максима Некрасова, и

МНЕ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО, КАК И В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ БУДЕТ РАЗВИВАТЬСЯ ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

Бах Ахмедов, поэт, г. Ташкент (Узбекистан)